В94
45

составилъ Е. В. Семеновъ.

Въ единеніи съ народомъ

СИЛЕНЪ

РУССКІЙ ЦАРЬ.

Цѣна 10 коп.

„Господь всегда съ тобою, соколъ ясный,
Господь съ тобою, рядовой солдатъ!“

Т. Ефимова.

Весь **чистый доходъ** съ настоящаго изданія, въ 2000 экземпл., предназначенъ **въ пользу солдатъ** русской арміи.

ПСКОВЪ.
Электрич. типо-лит. Губернскаго Земства.
1914.

В9445

Его Сиятельству

князю

Г. Е.

Львову,

в знак высокого почтения,

от составителя

11/IX 1915 г

Гор. Псков

Составилъ С. В. Семеновъ.

Центральнаго Архива Библіотеки и Музея Главный Комитетъ В. З. С.

Въ единеніи съ народомъ

СИЛЕНЪ

РУССКІЙ ЦАРЬ.

Цѣна 10 коп.

„Господь всегда съ тобою, соколъ ясный,
Господь съ тобою, рядовой солдатъ!“

Т. Ефимова.

Весь **чистый доходъ** съ настоящаго изданія, въ 2000 экземпл., предназначенъ **въ пользу солдатъ** русской арміи.

ПСКОВЪ.
Электрич. типо-лит. Губернскаго Земства.
1914.

1-й экз

РУССКІЙ ЦАРЬ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

721899

Е. И. В. Г. И. Николай Александровичъ и Е. И. В. Н. Ц. и В. Кн. Алексѣй Николаевичъ.

Всякій правитель долженъ считаться съ особенностями того народа, той страны, которой онъ поставленъ въ необходимость управлять.

Характерная особенность Россіи выражена въ слѣдующемъ стихотвореніи Ѳ. Тютчева:

„Умомъ Россію не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать—
Въ Россію можно только вѣрить".

„Особенная" же „стать" Россіи вполнѣ опредѣляется нижеслѣдующимъ замѣчательнымъ отрывкомъ изъ 1 тома „Мертвыхъ душъ" Н. В. Гоголя:

„И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!", его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишъ, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ, съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся неподвижны. Эхъ, тройка, птица—тройка! Кто тебя выдумалъ? знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ—гладнемъ разметнулась на

полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя расторопный ярославскій мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да размахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ—и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что то пылитъ и сверлитъ воздухъ".

„Не такъ ли и ты Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія ли это, сброшенная съ неба? что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони,—что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ высоты знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постараниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства".

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что управлять такой страной, которая, уподобляясь птицѣ—тройкѣ, бѣшенно несется и не даетъ отвѣта, куда несется, несется по своему подчасъ капризному желанію, чрезвычайно трудно...

Трудность эта, однако, значительно облегчается тѣмъ, что русскій народъ неизмѣнно тяготѣетъ къ своимъ царямъ.

Имъ онъ сочиняетъ гимны. Лучшій изъ нихъ безспорно принадлежитъ—величайшему изъ русскихъ людей—А. С. Пушкину и читается, какъ извѣстно, такъ:

„Боже, Царя храни!
Славному долгіе дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія—
Вотъ наша дань!

Царямъ же русскій народъ посвящаетъ и лучшія произведенія свои по живописи, скульптурѣ, литературѣ и музыкѣ. Къ числу послѣднихъ относится не знающая себѣ равной знаменитая опера М. И. Глинки: „Жизнь за Царя“, выдающимся исполнителемъ заглавной роли въ которой является, къ слову сказать, опять-таки никто иной, какъ русскій пѣвецъ-самородокъ, великій артистъ „изъ мужиковъ“ Ѳ. И. Шаляпинъ, тотъ Шаляпинъ, который предъ представленіемъ на сценѣ Маріинскаго театра оперы Мусоргскаго: „Борисъ Годуновъ“, въ присутствіи нынѣ царствующаго Государя Императора, всталъ вмѣстѣ съ хоромъ на колѣни и въ такомъ положеніи исполнилъ русскій народный гимнъ, а на вопросъ, предложенный ему впослѣдствіи—

какимъ образомъ онъ это сдѣлалъ, отвѣтилъ, какъ говорятъ, приблизительно слѣдующее: „я не знаю, какъ это случилось, но я былъ весь захваченъ однимъ чувствомъ; я, вѣдь, простой русскій мужикъ и въ данномъ случаѣ предъ лицомъ моего Государя я выразилъ лишь то, что таилось въ глубинѣ моей души".

При такихъ условіяхъ естественно, что царь, находящійся въ единеніи съ русскимъ народомъ, представляетъ собою несокрушимую силу какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ его съ другими государствами.

Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ только что выставленнаго положенія можетъ служить нижеприводимый отрывокъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній В. М. Гаршина: „Изъ воспоминаній рядового Иванова" *).

„Передъ Плоэшти намъ сказали", пишетъ В. М. Гаршинъ, „что въ этомъ городѣ насъ будетъ смотрѣть Государь".

„Мы проходили передъ нимъ, какъ были въ походѣ, въ тѣхъ же грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ и штанахъ, въ тѣхъ же побурѣвшихъ и запыленныхъ сапогахъ, съ тѣми же безобразно навьюченными ранцами, сухарными сумками и бутылками на веревочкахъ. Солдатъ не имѣлъ въ себѣ ничего щегольскаго, молодецкаго, геройскаго; каждый былъ больше похожъ на простого мужика, только ружье да сумки съ патронами показывали, что этотъ мужикъ собрался на войну. Насъ построили въ узкую колонну по четыре человѣка въ шеренгѣ: иначе нельзя было идти по узкимъ улицамъ города. Я шелъ сбоку, старался больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе, и думалъ о томъ, что если Государь съ своей свитой будетъ стоять съ моей стороны, то мнѣ придется пройти предъ его глазами, и очень близко отъ него. Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мной Житкова, на его лицо, какъ и всегда, суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось силь-

*) Произведеніе это относится ко времени русско-турецкой войны 1877—78 г.г., въ которой самъ В. М. Гаршинъ участвовалъ въ качествѣ добровольца.

нѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испытывалъ чувство, близкое къ этому".

„Люди шли быстрѣе и быстрѣе, шагъ становился больше, походка свободнѣе и тверже. Мнѣ не нужно было приноравливаться къ общему такту: усталость прошла. Точно крылья выросли и несли впередъ, туда, гдѣ уже гремѣла музыка и раздавалось оглушительное „ура!" Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, смотрѣлъ ли на насъ; помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ и которая увлекала тебя. Чувствовалъ, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился и котораго часть составлялъ, не можетъ знать препятствій, что онъ все сломитъ, все исковеркаетъ, все уничтожитъ. И всякій думалъ, что тотъ, предъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. „Ты ведешь насъ,—думалъ каждый,— Тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть".

„И онъ зналъ, что мы готовы умереть! Онъ видѣлъ страшныя, твердыя въ своемъ стремленіи ряды людей, почти бѣгомъ проходившихъ предъ нимъ, людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Онъ сидѣлъ на сѣромъ конѣ, недвижно стоявшемъ и насторожившемъ уши на музыку и бѣшенные крики восторга. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго

рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира свѣтлыми, блестящими каплями, помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть, привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой—махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ „ура!“

Отсюда ясно видно, какою дѣйствительно громадною силой располагаетъ русскій Государь въ моменты единенія его съ народомъ...

Такимъ единеніемъ началось Царствованіе Дома Романовыхъ; на это же единеніе въ настоящее время опирается нынѣ царствующій Государь Императоръ, и Русь восторженно кричитъ Ему—„ура!“,—то „ура“, про которое народный поэтъ А. В. Кольцовъ сказалъ:

„Мысль народа, звукъ души,
Всероссійское „ура!“
Ты во всемъ Царю отвѣтъ;
Лучшей нѣсни въ мірѣ нѣтъ,
Исполинъ, Царю послушный,
Все сомкнулъ въ своемъ „ура!“

Это пылъ любви живой,
Сильной, вѣчной и святой
Къ коронованнымъ главамъ;
Это—страхъ, гроза врагамъ;
Это—посвистъ богатырскій,
Вотъ что русское „ура!“

21 февраля 1913 года.
17 октября 1914 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА